Романенко Роман Александрович

ФЕНОМЕН ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ФИЛОСОФИИ: ЭТИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА

Представлены литературный обзор и теоретический анализ основных видов вербальной агрессии в философии, предложена классификация их форм. Феномен вербальной агрессии в философии рассмотрен с историко-философского, этического и эпистемологического аспектов. Проявление вербальной агрессии широко распространено в философии, ее элементы обнаруживаются в традициях различных философских школ. Доказывается, что вербальная агрессия, хотя и неприемлема согласно этическим принципам, имеет эпистемологическую значимость для философии и не должна быть отверженной философским сообществом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 170-174. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.2
Философские науки

Представлены литературный обзор и теоретический анализ основных видов вербальной агрессии в философии, предложена классификация их форм. Феномен вербальной агрессии в философии рассмотрен с историко-философского, этического и эпистемологического аспектов. Проявление вербальной агрессии широко распространено в философии, ее элементы обнаруживаются в традициях различных философских школ. Доказывается, что вербальная агрессия, хотя и неприемлема согласно этическим принципам, имеет эпистемологическую значимость для философии и не должна быть отверженной философским сообществом.

Ключевые слова и фразы: вербальная агрессия; познание; субъект; философия; этика.

Романенко Роман Александрович
Ульяновский государственный университет
rra83ul@mail.ru

ФЕНОМЕН ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ФИЛОСОФИИ: ЭТИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА©

1. Проблема целесообразности использования вербальной агрессии в процессе философствования

Отличительной чертой философского типа мировоззрения является вербальная агрессия познающего субъекта. Во множестве отечественных и зарубежных философских текстов вербальная агрессия ярко выражена. В разной степени она присуща почти каждому философу, будь то материалист или идеалист, рационалист, сенсуалист и т.д., и отражена в изложении их мыслей. Однако сам феномен вербальной агрессии в философии остается неисследованным, так как в современном философском сообществе какая-либо эмоциональная окраска содержания текста считается недопустимой.

Проблема возникает тогда, когда автор, исполненный гневом в отношении предшествующих недобросовестных, как ему кажется, философских изысканий, должен подавлять в себе чувство агрессии, чтобы оно не отразилось на письме. В противном случае редактор забракуют статью автора, посчитав ее чересчур субъективно эмоциональной. А как быть с требованием современной эпистемологии, призывающей учитывать особенности познающего субъекта? Ведь субъект, вынужденный подавлять в себе чувства, тем самым подавляет и эти особенности.

Целью данного исследования являются раскрытие масштаба присутствия вербальной агрессии в философии и постановка вопроса о приемлемости использования этого компонента в процессе философствования на всем его протяжении.

Объектом данного исследования является феномен вербальной агрессии, предметом – агрессивные компоненты, включенные в философские тексты.

Под вербальной агрессией следует понимать любой вид выражений, которые считаются предосудительными, способными принести вред другим. Однако необходимо отметить, что причинение вреда не всегда является **целью** того, кто употребляет агрессивные высказывания, поэтому понятие «намерения» не должно включаться в основу определения.

2. Изобилие вербальной агрессии в философии, ее классификация

Благодаря существующей в психологии классификации видов словесной агрессии появляется возможность дать исчерпывающую характеристику каждому проявлению вербальной агрессии в творчестве какого-либо мыслителя и выделить те виды агрессии, которые присущи всей философии вообще.

Так, во-первых, по отношению к объекту различают переходную и непереходную речевую агрессию [12, с. 67]. Для переходной агрессии характерны наличие определенного объекта агрессии, конкретность и представленность объекта в конкретной речевой ситуации, а в непереходной (смещенной) агрессии определенный объект агрессии отсутствует, объект абстрактен. И переходная, и смещенная формы речевой агрессии встречаются в философии.

Примером смещенной формы могут послужить слова, пожалуй, самого «агрессивного» мыслителя античности – Гераклита: «Все живущие на земле люди чужды истине и справедливости и дорожат неумеренностью и пустыми мнениями, следуя своему злому неразумию» [5, с. 288]. Если в данном примере агрессия направлена на всех людей, то в переходной вербальной агрессии Н. Бердяева объектом является конкретный человек: «Толстой – настоящий отравитель колодцев жизни. Толстовская моральная рефлексия есть настоящая отрава, яд, разлагающий всякую творческую рефлексию, подкапывающий жизнь» [1, с. 802].

Во-вторых, вербальную агрессию классифицируют по степени выраженности на слабую и сильную. Сильная агрессия отличается от слабой особой дерзостью, экспрессией, грубостью. Символом сильной вербальной агрессии в философии, наверное, можно признать творчество В. И. Ленина, а именно его произведение «Материализм и эмпириокритицизм», в котором брань, ругательства, оскорбления содержатся

© Романенко Р. А., 2014

в изобилии. Вербальная агрессия у Ленина настолько сильна, что создается впечатление, будто для него философия – это лишь повод поругаться, полигон для сведения счетов с идеологическими противниками. «Казенные профессора казенной философии», «дипломированные лакеи поповщины» – это еще не самые обидные выражения великого революционера [9].

К слабой вербальной агрессии относятся суждения, содержащие скрытый упрек, непрямое осуждение. В качестве примера можно привести слова Конфуция, взятые из его учения: «Цзай Юй заснул средь бела дня. Учитель сказал: –Не вырезать узора на гнилом суку, стену из навоза не отштукатурить. За что же упрекать мне Юя?”» [8, с. 36].

Как отмечает Ю. В. Щербинина вслед за А. К. Михальской, трудно отделить слабую речевую агрессию от неагрессивного порицания или наставления, вследствие чего необходимо обращение к контексту [18, с. 134]. Но необходимо также ввести критерий, позволяющий разграничивать агрессивное порицание от неагрессивного. Таким критерием может быть цель порицающего субъекта: если целью является обратить внимание объекта порицания на свои пороки и недостатки, чтобы этот объект мог их исправить, то такое порицание следует считать неагрессивным; если цель не ограничивается самим объектом порицания, выражается безразличие к возможному отношению объекта на высказанное замечание в его адрес, то такое порицание следует считать агрессивным. Однако контекст философии обращен обычно не к отдельному человеку, которого порицают, а к народу, к поколениям, к человечеству, и, следовательно, согласно выделенному критерию, такое порицание следует расценивать как агрессивную форму выражения.

В-третьих, вербальная агрессия как элемент философии целенаправленна, и, следовательно, поддается делению на инициативную и оборонительную. Для инициативной характерна активная роль субъекта познания, инициирующего вербальную агрессию. Оборонительная агрессия представляет собой ответную реакцию субъекта на давление со стороны объекта. Оба примера инициативной и оборонительной агрессии мы находим у Канта в работе «Пролегомены»:

1) «Если рассмотреть хорошенько, эта апелляция к здравому смыслу есть не что иное, как ссылка на суждение толпы, от одобрений которой философ краснеет, а популярный болтун торжествует и делается дерзким. Но, я думаю, Юм мог бы изъявить так же притязание на здравый рассудок, как и какой-нибудь Битти, да сверх того еще на нечто такое, чем Битти, конечно, не обладал, именно на критический разум…» [6, с. 10].

2) Второй пример – это ответ Канта на критическую статью рецензента: «Он [рецензент], кажется, вовсе не понимает, о чем собственно, идет дело в том исследовании, которым я – удачно или неудачно – занимался; виной ли тому недостаток терпения продумать обширное сочинение, или досада на угрожающую реформу в такой науке, где он считает все для себя выясненным, или наконец – что я неохотно предполагаю – действительная ограниченность понимания, не позволяющая ему никогда выйти мыслью за пределы своей школьной метафизики, …он не может не принести публике полезные сведения, ни повредить сколько-нибудь мне в суждении знатоков» [Там же, с. 138-139].

В первом примере Битти – объект вербальной агрессии Канта – не имеет прямого отношения к самому Канту, тогда как во втором случае рецензент имеет непосредственное отношение к вызванной речевой агрессии великого немецкого философа.

Далее, по числу участников ситуации общения речевая агрессия может быть не только межличностной, но и массовой, для которой характерно объединение всех участников в акте речевой агрессии против «врага». В философии массовая агрессия просматривается в контексте целого философского направления, школы или исторического периода. Так, между партийными советскими философами исторического материализма и «буржуазными» мыслителями, «от которых действительно невозможно ожидать научной беспристрастности и объективности» [11, с. 21], на протяжении нескольких десятилетий существовал антагонизм. Сами марксисты называли это философское противостояние «ожесточенной борьбой», борьбой за установление диктатуры пролетариата, с одной стороны, и за интересы капиталистических монополий – с другой.

По одному из признаков массовой агрессии, выделенной А. К. Михальской, а именно «направленное и намеренное воздействие лидера на особый инстинкт воодушевления, воодушевляющего боевого порыва», можно констатировать наличие элементов массовой вербальной агрессии и в отдельно взятом философском тексте. Ницшеанский Заратустра является в обличье такого лидера: «Любите мир как средство к новым войнам… Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победою!» [13, с. 312].

Таким образом, к множеству агрессивных высказываний в философии вполне применимы существующие классификации в психологии. Распространенность вербальной агрессии в культуре философствования свидетельствует о значимости этого феномена.

Обратимся к наиболее часто встречаемым в философии формам вербальной агрессии. К этим формам относятся оскорбление, угроза, враждебное замечание, порицание (упрек, обвинение), насмешка.

В философских текстах оскорблением следует считать выражение, включающее обидную характеристику как самого объекта, так и обидный отзыв относительно интеллектуальной собственности объекта. Такие выражения в науке принято считать эмоциональными, оценочными, неприемлемыми для объективного познания. Ю. В. Щербинина выделяет три разновидности оскорблений в зависимости от способа воздействия на адресата: прямое, косвенное, переносное [18, с. 161].

Прямое оскорбление отличается нескрываемой злобой субъекта по отношению к тому, на кого это оскорбление направлено. Прямое оскорбление может содержать преувеличенную форму прилагательных и

обладать яркой образностью. В качестве примера напрашиваются оскорбительные выпады А. Шопенгауэра в адрес другого философа, Гегеля: «Философия этого Гегеля – псевдофилософия, расслабляющая все умственные способности, заглушающая всякое подлинное мышление и ставящая на его место с помощью беззаконнейшего злоупотребления словами пустейшую, бессмысленнейшую, нелепейшую и потому, как показывают результаты, умопомрачительнейшую словесную чепуху…» [17, с. 23].

Косвенным считается такое оскорбление, где есть обидное сопоставление с литературным героем или историческим деятелем. Такая разновидность вербальной агрессии предполагает сравнительно высокий уровень культуры речевого общения, а значит, неизбежно присутствует в философском наследии человечества. И Л. Шестов в произведении «Апофеоз беспочвенности» доказывает, что он этого высокого уровня достиг: «У Чехова есть рассказ „Беда", который очень хорошо иллюстрирует, как трудно человеку освоиться с новой истиной, если она грозит прочности его положения. Купец Авдеев не верит, что он виноват, что он попал под суд… В мире ученых происходит нечто подобное. Они до того привыкли считать себя невинными и правыми, что решительно ни на одну минуту не допускают мысли, что попадут под суд, и когда до них доходят грозные голоса, призывающие к ответственности, они только недоверчиво пожимают плечами…» [16, с. 496].

Наконец, переносное оскорбление в философии направлено не на идеи конкретного мыслителя, а на его личность, на его внешность либо образ жизни: «Сократ по своему происхождению принадлежал к низшим слоям народа: Сократ был чернью. Нам известно, мы даже видим это, как безобразен был он» [13, с. 760]. Косвенная вербальная агрессия Ф. Ницше предваряет его прямую агрессию, направленную на само учение Сократа.

Следует отличать от оскорблений необидные прозвища, указывающие на черты характера, особенности поведения или специфику мировоззрения адресата. Гераклит получил прозвище «темный» за свое пространное изложение мыслей. Циника Антисфена прозвали «обыкновенной собакой» за грубые манеры и вульгарное поведение, которые отражали систему ценностей всех представителей цинической философии. Философ С. Крипке был иронично прозван «Крипкенштейном» за свою последовательность идеям Витгенштейна.

Одной из распространенных форм вербальной агрессии в философии является упрек (обвинение). Обвинение есть тот же самый упрек, выраженный в более жесткой бескомпромиссной форме. Чертой, отличающей упрек как вербальную агрессию от нормального объективного замечания, является справедливость высказывания, однако само понятие «справедливости» неоднозначно, а потому даже дружелюбное порицание может вызывать у адресата враждебное отношение, а у интерпретатора текста – ошибочное приписывание автору злого умысла. Более того, существует точка зрения, согласно которой любая критика, даже обоснованная, имеет своей первопричиной агрессию, злобу. Подобную точку зрения высказывает Сеттембрини – персонаж в произведении философа гуманиста Т. Манна «Волшебная гора»: «Злость – самое блестящее оружие разума против сил мрака и безобразия. Злость, сударь мой, это душа критики, а критика – источник развития и просвещения» [10, с. 73]. Таким образом, вербальная агрессия в философии получает рациональную легитимацию как основание всякой критики.

Русский философ В. Соловьев демонстрирует необоснованность своего упрека в адрес англичан и немцев, который можно назвать агрессивным: «Эмпирик англичанин имеет дело с фактами; мыслитель немец – с идеей: один грабит и давит народы, другой уничтожает в них самую народность» [15, с. 13]. Понятно, что «англичанин» и «немец» здесь являются собирательными понятиями, имеющими значения английского и немецкого народов. Соловьев, таким образом, создает негативный национальный стереотип.

Широко распространен в философии упрек в интеллектуальной недобросовестности, в неспособности глубоко мыслить, в абсурдности и бессмысленности высказываний. Избежать таких упреков в философии практически невозможно. Это свидетельствует о постоянном развитии философской мысли и о появлениях новых идей. Появление принципа верификации в логическом позитивизме, объявление бессмысленности всей метафизики сопровождались не всегда дружественным тоном в адрес того, что метафизики сделали, какой вклад внесли в историю философии. Так, Рудольф Карнап отказывается признавать метафизиков философами и уделяет им не самое первое место в искусстве: «Метафизики – музыканты без музыкальных способностей… Вместо того, чтобы, с одной стороны, осуществлять эту склонность в области науки, а с другой стороны, удовлетворять потребность выражения в искусстве, метафизик смешивает все это и создает произведения, которые ничего не дают для познания и нечто весьма недостаточное для чувства жизни» [7].

Серьезным обвинением по отношению к мыслителю является обвинение в плагиате. Плагиат фактически – это форма воровства, и обвинение в нем тем обиднее, чем менее оно обосновано. Уже упомянутый В. И. Ленин не стесняется обвинять на страницах своего произведения Маха и Авенариуса в солипсизме и плагиате у Беркли и ко всему прочему еще и в софизме.

Действительно, слово «софист» превратилось в ругательство и стало синонимом таких слов, как «демагог», «болтун» и т.п., хотя делаются попытки развеять дурную славу софистов, проистекающую с античных времен. Например, Гегель, доказывая значимость учений софистов, не избегает колкостей в их адрес: «Софисты представляют собой прямую противоположность нашим ученым, которые стремятся лишь к знаниям и исследуют то, что есть и было, так что в результате получается масса эмпирического материала, где открытие новой формы, нового червя или другого насекомого и нечисти почитается великим счастьем. Наши ученые профессора постольку куда невиннее софистов, однако за эту невинность философия не даст ни гроша» [4, с. 7].

Угроза – форма агрессии, встречающаяся как в философии, так и в религии. Можно утверждать, что угроза является доминирующей формой агрессии в религии, в то время как в философии она встречается реже. Действительно, в христианской литературе и прежде всего в Библии есть много предостережений против «злоречивости», сквернословия и прочих типов вербальной агрессии. Ю. В. Щербинина в главе

«Вербальная агрессия в оценке православной культуры» обстоятельно исследует этические принципы христианства, имеющие отношение к данной проблеме, приводит множество цитат, подтверждающих негативную оценку проявлениям именно вербальной агрессии. Но Щербинина упускает из рассмотрения элементы вербальной агрессии, присущей основателям христианского вероучения. Подборку выражений библейских персонажей, содержащих угрозу, уже сделали Ф. Ницше в работе «Антихристианин» и М. Лютер в работе «О рабстве воли». Здесь нет необходимости приводить эти цитаты вновь, достаточно указать на места в Библии, где их можно найти: (Мф 5:46), (1 Кор 3:16), (Мк 6:11), (Мк 9:42) и т.д. Многочисленные угрозы в христианстве объясняются специфическим пониманием мудрости, сформулированной Соломоном: мудрость – это страх Господень. Следовательно, постижение мудрости возможно для ближнего через устрашение ближнего перед Богом. Цель всех угроз апостолов и пророков – приобщение к Божественному началу. Хорошо ли это средство – такой вопрос здесь не ставим. Угрозы в философии, как правило, сопряжены с религиозным типом мировоззрения. Рассмотрим угрозу Сократа, адресованную своим соотечественникам после оглашения смертного приговора: «И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, клянусь Зевсом, той смерти, которой вы меня покарали…» [14, с. 30]. Видим, что в этой угрозе, высказанной в форме пророчества, есть упоминание божественной силы. И хотя Сократ угрожает не самим Зевсом, упоминание о нем также призвано напомнить согражданам о высшем порядке, о высшей справедливости.

Следующий тип вербальной агрессии – насмешка. Насмешка определяется как «обидная шутка, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное» [18, с. 179]. Образцом интеллектуального насмешника в философии необходимо признать Вольтера. Колкости этого философа имеют эстетическую ценность, придают «живость» его мысли и являются отличительной чертой его творчества. Один из множества возможных примеров насмешки встречается в вольтеровских рассуждениях по поводу личности Жанны д`Арк. Развенчивая миф о ее святости, французский философ одновременно насмехается над историком Мезере, поддерживающим этот миф: «Мезере рассказывает, будто Жанне являлся вождь небесного воинства; мне очень жаль Мезере, и я прошу за него прощения у вождя небесного воинства…» [3, с. 507].

Итак, основные формы проявления вербальной агрессии в философии таковы:

1) оскорбление;
2) порицание;
3) угроза;
4) насмешка.

Философствуя, сквернословь в меру!

Основываясь на вышеприведенных примерах из философских текстов, суммируя их, необходимо определить роль и значения элементов вербальной агрессии:

1) Вербальная агрессия выполняет эстетическую функцию в философии, она имеет стилистическое значение, преобразовывает текст, делая его не таким монотонным и скучным, каким он может быть в силу насыщенности абстрактных категорий, которыми философия оперирует. С этой точки зрения философия как никакая другая интеллектуальная деятельность нуждается в «перемене языкового климата». Однако даже с эстетической позиции вербальной агрессией нельзя злоупотреблять, ибо тогда текст может стать безобразным и пошлым, несмотря на возможную силу аргументов, в ней приведенных.

2) В современной теории познания субъект познания не элиминирован и остается важным элементом. Вербальная же агрессия помогает понять настроение познающего субъекта, его волю к истине «во что бы то ни стало», его боевой настрой, характер. Конечно, вербальную агрессию нельзя расценивать как часть доказательной базы философа, как основу его аргументации. Скорее, ее следует считать прологом к исследованию, эмоциональной подготовкой как самого автора, так и читателя к постижению идей.

3) Благодаря вербальной агрессии автор философского текста может ясно продемонстрировать систему ценностей. Принижая одних, возвышая других, философ ради ясного изложения своей позиции может пренебречь чувствами отдельного человека. Здесь возникает дилемма: высокие нравственные принципы или предельно ясная, однозначно истолкованная точка зрения; человек или истина.

4) Не следует исключать, что вербальная агрессия в философии может выполнять свою «природную» функцию, а именно быть орудием для унижения, подавления своих противников. В этом случае целью является не истина, а удовлетворение личных амбиций. Несмотря на то, что вербальная агрессия призвана выразить эмоцию, в содержание текста она вносится вполне осознанно и рационально. Поэтому такая агрессия недопустима и неоправданна в философии.

Вывод. Феномен вербальной агрессии не поддается однозначной оценке, и в каждом конкретном случае его проявления требуются адекватный анализ и интерпретация по поводу его релевантности к контексту философии. Препятствовать всякому употреблению крепких выражений в современной философии – значит, обкрадывать традицию философствования. Более детальный анализ феномена вербальной агрессии в философии расширяет представление о его многогранности; выделенные позитивные стороны применения его в философии, возможно, приведут однажды к пересмотру некоторых радикальных этических принципов и правил речевого этикета.

Список литературы

1. **Бердяев Н. А.** Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
2. **Библия**: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / в русском переводе с параллельными местами и приложением. М., 2003. 1312 с.
3. **Вольтер.** Философские повести. М.: Эксмо, 2002. 656 с.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2006. Книга вторая. 424 с.
5. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2006. Книга первая. 352 с.
6. **Кант И.** Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М.: Академический Проект, 2008. 174 с.
7. **Карнап Р**. Преодоление метафизики логическим анализом языка [Электронный ресурс]. URL: http://kant.narod.ru/carnap.htm (дата обращения: 23.11.2013).
8. **Конфуций.** Уроки мудрости. М.: Эксмо, 2007. 958 с.
9. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм [Электронный ресурс]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/lenin/len14v00.htm (дата обращения: 03.07.2013).
10. **Манн Т.** Волшебная гора. М.: Астрель, 2011. 829 с.
11. **Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм.** М.: Мысль, 1972. 448 с.
12. **Михальская А. К.** Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия, 1996. 189 с.
13. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла: сочинения. М.: Эксмо, 2003. 848 с.
14. **Платон.** Диалоги. М.: АСТ, 2005. 381 с.
15. **Соловьев В.** Национальный вопрос в России. М.: АСТ, 2007. 505 с.
16. **Шестов Л.** Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. 832 с.
17. **Шопенгауэр А.** Две основные проблемы этики. М.: АСТ, 2005. 512 с.
18. **Щербинина Ю. В.** Вербальная агрессия. М.: ЛКИ, 2008. 360 с.

VERBAL AGGRESSION PHENOMENON IN PHILOSOPHY: ETHICAL-EPISTEMOLOGICAL DILEMMA

Romanenko Roman Aleksandrovich
Ulyanovsk State University
rra83ul@mail.ru

The literary review and theoretical analysis of verbal aggression main types in philosophy are presented, their forms classification is suggested. The phenomenon of verbal aggression in philosophy is considered in historical-philosophical, ethical and epistemological aspects. Verbal aggression manifestation is widely spread in philosophy, its elements are revealed in the traditions of different schools of philosophy. It is proved that verbal aggression, though it is unacceptable according to ethical principles, has epistemological meaning for philosophy and mustn't be rejected by philosophical community.

Key words and phrases: verbal aggression; cognition; subject; philosophy; ethics.

УДК 008(091)
Культурология

На основании анализа письменных памятников эпохи Остготского Возрождения в статье рассматривается эволюция представлений о способах передачи и принятия королевской власти. Проведенный анализ позволил выявить архаический субстрат представлений о преемстве власти согласно «обычаям предков», осветить процесс перекодировки остготской культуры, рецепцию римских концептов. Статья содержит вывод о том, что культура Остготского Возрождения испытывает значительное влияние политической повестки первой половины VI в. н.э., отражая процессы укрепления влияния правящего рода Амалов и стремление остготских королей выступать фактическими преемниками власти римских императоров.

Ключевые слова и фразы: королевская власть; наследование; легитимность; варварские королевства.

Санников Сергей Викторович, к.и.н.
Сибирский институт международных отношений и регионоведения
Sannikov_SV@yahoo.com

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ И ПРИНЯТИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В КУЛЬТУРЕ ОСТГОТСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ОТ АРХАИЧЕСКОГО КОДА К КОНЦЕПЦИИ ЛЕГИТИМНОГО ПРАВЛЕНИЯ©

Публичная власть представляет собой сложный социальный феномен, являющийся одной из фундаментальных исследовательских проблем гуманитарных наук [1; 4][1]. Сопряженные с властью ритуалы и символы

© Санников С. В., 2014

[1] В соответствии со сложившейся научной традицией, при цитировании данного источника указывается не страница, а номер параграфа в соответствии с разбивкой на параграфы, предложенной Т. Моммзеном.